

УДК 009

И. Б. Сулова

Сочи, Россия

ЧТО ЛЕЖИТ В ОСНОВЕ СОЗЕРЦАНИЯ? (философско-культурологический очерк)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: культура чувств, эстетика, декультурация, воспитание, нравственность.

АННОТАЦИЯ. В статье предпринята попытка поиска онтологических оснований феномена созерцания как такового и художественного созерцания в частности. Данный вектор научного интереса вызван к жизни тревожными тенденциями в мире современного искусства и недостаточным уровнем развития культуры эстетических чувств, а также нравственной сферы сознания молодежной аудитории. В работе находят новое освещение актуальные аспекты философской проблематики современной культуры, такие, как проблема культуры художественного вкуса авторов и реципиентов, проблема взаимосвязи творчества и морали в сфере художественного творчества, проблема поиска философских оснований творческих интенций современников и др. В этих целях автор статьи обратился к идеям эстетики и этики И. Канта, переосмысление и актуальное прочтение которых позволило ему ответить на некоторые злободневные вопросы в сфере гносеологии, этики, философии культуры.

I. B. Suslova

Sochi, Russia

WHAT IS THE BASIS OF CONTEMPLATION? (philosophical-cultural survey)

KEYWORDS: the culture of feelings, aesthetic, dekulturnation, education, morality.

ABSTRACT. The article attempts to find the ontological foundations of the phenomenon as such contemplation and contemplation of art in particular. This vector is of scientific interest caused to life by the alarming trends in the world of contemporary art and cultural underdevelopment of aesthetic sense and moral spheres of consciousness of the youth audience. In the work find new lighting topical aspects of philosophical problems of modern culture, such as the problem of the culture of artistic taste of the authors and recipients, the problem of the relationship of creativity and morality in art, the problem of finding the philosophical foundations of creative intentions contemporaries and others. For this purpose, the author appealed to the ideas of aesthetics and ethics of Kant, and rethinking the current reading that allowed him to answer some of the burning issues in the field of epistemology, ethics, philosophy of culture.

Сегодня, в эпоху противоречивых тенденций в глобальной культуре человечества, целесообразно задаться животрепещущим вопросом: вправе ли мы разделять понятия - творчество и этика, интеллект и нравственность, созерцание и культура чувств? При более глубоком размышлении становится очевидным, что нет.

Данный тезис подтверждают не только многочисленные бессодержательные, провокационные «произведения» современного искусства, но и пугающая своими масштабами декультурация масс, присущая философии и практики современного потребительства. Очевидно, что эта губитель-

ная «антифилософия» пустила свои корни и в молодежной аудитории.

Может быть, авторы современных «шедевров», шокирующих инсталляций не просто лишены здоровых нравственных оснований, но и – элементарного художественного вкуса, культуры эстетических чувств? Научное, педагогическое сообщество не вправе сегодня обходить молчанием подобные темы – ведь как искусствовед может повлиять на выбор покупателя, так и педагог способен оказать влияние на формирование эстетических предпочтений и нравственной сферы сознания обучающихся. Как видно, сегодня вновь возникает насущная потребность обратить свой умственный взор к великим воспитателям прошлого, каким является, в частности, великий немецкий философ Иммануил Кант.

В своей работе «Наблюдения над чувством возвышенного и прекрасного» (1764 г.), Кант исследует эти чувства, используя метод философского наблюдения. «Дело философии – расчленять понятия, данные в смутном виде, делать их развитыми и определенными», - пишет он в работе «Исследование степени ясности теологии и морали» (1764 г.) [3. С. 121]. Из смутных и неясных многие понятия под пером мыслителя становятся конкретными и определенными. Так, он подчеркивает, что оба чувства (возвышенного и прекрасного) относятся к категории более тонких чувств, нежели, например, чувство удовольствия от сытного обеда, охоты, получения прибыли и проч. и предполагают «некоторую возбудимость души, делающую ее способной к добродетельным порывам; или же» ... свидетельствуют «о талантах и превосходстве духа, тогда как названные выше чувства бывают и при полном отсутствии мыслей» [3. С. 127]. Очевидно, что чем чаще человек испытывает подобные высокие чувства, тем более чувствительным, а, следовательно, способным к «добродетельным порывам», он становится, тем более, следуя объективной мыс-

ли Канта, развиваются в нем таланты, тем в большей степени статуируется в нем истинное «превосходство духа».

Оба чувства, относясь к разряду высоких, отличны друг от друга своим объектом, а также характером: «Высокие дубы и уединенные тени священной рощи возвышенны, цветочные клумбы, низкая изгородь и затейливо подстриженные деревья прекрасны. Ночь возвышенна, день прекрасен» [3. С. 128]. Чувство возвышенного связано с ощущением душевного волнения, изумления, грусти, иногда даже – страха, в тот время как чувство прекрасного – с чувством умиротворения, радости, подчас – веселья. «Возвышенное всегда должно быть значительным, прекрасное может быть и малым. Возвышенное должно быть простым, прекрасное может быть нарядным и изысканным» [3. С. 129]. Иллюстративными примерами философ воспитывает в нас культуру этих чувств. Церковь св. Петра в Риме великолепна, утверждает он, но элементы декора так искусно распределены в ее убранстве, что чувство возвышенного при созерцании церкви преобладает над чувством прекрасного. Это достигается посредством воссоздания образа величественности и простоты – золото и мозаика идеологически работают на главную идею церковного устройства. «...Замок правителя – великолепен, загородный дворец – красив и наряден», - пишет он, - в соответствии с чем они и вызывают у нас различные чувства. Приобщение к миру искусства – это всегда также и очищение и совершенствование эмоционально-чувственной сферы более благородными и возвышенными внутренними переживаниями. «Трагедия, на мой взгляд, отличается от комедии главным образом тем, что первая возбуждает чувство возвышенного, а вторая – чувство прекрасного, - замечает И. Кант, - ...зритель тронут и ощущает благородство своей собственной натуры» [3. С. 131]. Приводимый им далее анализ литературных образов и сюжетных коллизий создан в той удивительной мане-

ре, когда читатель словно бы «заражается» интересом к самому исследовательскому методу автора и его способом прочтения и видения текста – с такой отчетливостью, психологизмом и глубиной понимания характера философ преподносит материал.

Но человек не только способен испытывать данные чувства – многие человеческие чувства, свойства, черты характера сами по себе возвышенны либо прекрасны, продолжает размышление философ. «Ум возвышен, остроумие прекрасно. Смелость возвышенна и величественна, хитрость ничтожна, но красива». [З. С. 130]. К разряду благородных мыслитель причисляет не только смелость, правдивость и честность, но и, например, «бескорыстное служебное рвение». Действительно, при отсутствии корыстного карьерного мотива, подобные устремления могут быть продиктованы развитым чувством долга, чувством преданности своему делу, рвением за успех начинания, коллектива, значимыми социальными и общечеловеческими мотивами (стремление не на словах, а на деле служить людям и проч.). Все вышеназванное относится, несомненно, к благородной личностной мотивации.

Что же в нас видится И. Канту прекрасным? Это, например, «утонченность и вежливость», остроумие, вкус. «Возвышенные свойства внушают уважение, прекрасные же – любовь» [З. С. 130]. Некоторые люди, отмечает Кант, настолько превосходят нас, что внушают удивление, их ценят слишком высоко, чтобы мы могли их любить, могли «приблизиться к ним с интимным чувством любви». Это утверждение содержит, на наш взгляд, очень тонкий воспитательный момент – наблюдения показывают, что современная молодежь с крайней легкостью снимает внутреннюю дистанцию между объектом своего интереса и своей личностью, что зачастую оборачивается массой неприятных последствий для целого ряда людей. Да и сам интерес поразительно легко оборачивается у многих чувством любви и близости к яв-

но дистанцированному от них по целому ряду показателей индивидууму (будь то исполнитель, актер, политик и проч.), что не только вводит в заблуждение инициатора чувства, отвлекает его от саморазвития, но и приводит к неадекватным поступкам и проявлениям.

И. Кант в своей аналитике чувства прекрасного и возвышенного обучает культуре дефиниций тонких чувств, пытаюсь ответить на вопрос: почему человеку следует стремиться культивировать в себе благородные, возвышенные, утонченные чувства? Данные интенции крайне важны для этико-воспитательных теорий современности. «...Способности души столь связаны между собой, - пишет философ, - что по проявлениям чувств можно очень часто судить о способностях ума. В самом деле, тому, кто обладает многими интеллектуальными достоинствами, эти способности были бы ни к чему, если бы он в то же время не имел сильного чувства того, что истинно благородно или прекрасно, поскольку именно такое чувство должно быть побудительной причиной надлежащего и правильного применения упомянутых умственных дарований» [З. С. 147]. Итак, развитое чувство возвышенного и прекрасного побуждает личность по назначению применить свои интеллектуальные качества – на наш взгляд, это бесспорное утверждение, следовательно, развивая одно, мы способствуем развитию другого качества, а именно, умственных способностей.

Не только во внутренних свойствах и чувствах человека можно найти проявления возвышенного или прекрасного, но даже во внешнем облике людей – философ учит нас видеть их во всей природе, понимаемой им как вся совокупность бытийственного вообще, весь общекосмический универсум. Ближе к полюсу возвышенного, по его мнению, высокий рост, черный цвет глаз, почтенный возраст, к полюсу прекрасного – светлый оттенок волос, голубой цвет глаз, менее внушительный

рост, юный и молодой возраст. Аналитический экскурс философа в сферу эстетики преследуют, кроме научно-философского, также практическую цель (возможно, и не декларируемую им прямо) – побудить реципиента к исследованию с этических и эстетических предпочтений своей собственной личности, своего внешнего облика, сделать его более наблюдательным и мыслящим по отношению к внешнему миру. И. Кант хочет сказать, что весь духовный, а также морально-нравственный «инструментарий» содержится в сфере разума и чувства индивидуума, и, при условии духовного развития, личность становится этически и эстетически более компетентной, автономной и независимой, а значит, более свободной и ценимой обществом. При известной духовной работе не требуется, например, брать уроки стилиста, чтобы иметь адекватный, гармоничный и непротиворечивый с окружающим внешний облик: «Люди высокого роста со статной фигурой должны соблюдать в своей одежде простоту или – самое большое – великолепие, люди маленького роста могут быть нарядными и разукрашенными» [3. С. 133]. Духовное лицо должно одеваться «с наибольшей простотой, государственный муж – с наибольшим великолепием» [3. С. 133]. В то время как «солидному возрасту подобают более темные цвета», для молодежной аудитории более естественной является светлая и яркая цветовая гамма.

Параллельно с философским наблюдением над чувством возвышенного и прекрасного, произведение Канта (как и вся его критическая философия), содержит структурные компоненты, методические приемы и философемы, способствующие также совершенствованию культуры мышления. «В человеческой природе никогда не бывает достойных качеств, отклонения от которых не переходили бы через бесконечные оттенки в самые крайние несовершенства», - подмечает он диалектичную закономерность, свойственную

также миру человеческих чувств, как и всему природному целому [3. С. 133]. Это происходит потому, что, согласно его философской позиции, на каждый индивид действует причинность двоякого рода – причинность «через природу», когда наша чувственно-эмоциональная сфера, а также наша телесная организация принадлежит миру определяемых внешним «феноменом» или явлений, и причинность «через свободу», когда каждый индивид функционирует как автономный «ноумен», посредством трансцендентальной активности сам определяющий направление и характер развития событий. Природа воздействует на нашу эмоционально-чувственную сферу, фактически определяя ее, вследствие чего она приобретает черты антиномичности. Но мы в состоянии своей духовной активностью не только ослабить степень этого влияния, но и вовлечь сферу чувства в ноуменальный мир, возвысив и усовершенствовав ее.

В качестве иллюстрации приведенной выше мысли Кант использует размышления о феномене богатства и сопровождающих его негативных явлениях. Он высказывает следующее предположение: «Богатство, хотя бы и без заслуг, почитается даже людьми бескорыстными, потому вероятно, что с представлением о нем связываются мысли о великих деяниях, которые посредством него могли бы быть совершены» [3. С. 133]. Действительно, богатство, как проявление некоей бытийственной силы, подразумевает философское значение возвышенного, связываемое в общественном менталитете с благородными деяниями, благотворительностью, меценатством и проч. Однако «это уважение выпадает заодно и на долю некоторых богатых мерзавцев, которые подобных деяний никогда не совершат и не имеют никакого понятия о благородном чувстве, которое единственно могло бы придать богатствам какую-то ценность», - справедлив философ в своей оценке.

Что происходит в случае, если подобного рода чувства становятся чрезмерными, если сфера возвышенного и прекрасного начинает приобретать новые смысловые оттенки? «Когда возвышенное или прекрасное превосходит меру, их обыкновенно называют романтическими», - определяет Кант [3. С. 133]. Однако нередко мы сами, стремясь поразить кого-то своим, как нам представляется, развитым чувством прекрасного или оказать серьезное воздействие возвышенными чувствами, теряем чувство меры, получая в результате неэстетичное, нелепое зрелище. «Тягостная искусственность», которая возникает при желании пленить своим умением, красотой или талантом, крайне утомительна, подмечает философ: «Старание пленять вызывает неприятное и мучительное ощущение» [3. С. 132]. Подобным образом обстоит дело и с чувством возвышенного: «Устрашающе-возвышенное, если оно совершенно неестественно, приобретает причудливый характер» [3. С. 133].

Приводимый Кантом очерк человеческих слабостей и недостатков (как он сам отзывается об этом) изобилует психологически точными деталями и яркими, четкими характеристиками, наподобие цитируемой ниже: «...старый фат – самое презренное существо в мире, так же как молодой чудак – самое противное и несносное» (Фат его в трактовке – это человек с извращенным чувством прекрасного и отсутствием благородства) [3. С. 134]. «Класс фатов чаще встречается в большом свете. ...С ними можно хорошо провести время и вдоволь посмеяться. И тем не менее в этой карикатуре один часто корчит другому рожу и своей пустой головой ударяется о голову своего собрата» (там же). Интересно с точки зрения глубины анализа и уровня психологизма также следующее

наблюдение: «Тот, чьи речи или поступки не забавляют и не трогают, скучен. Скучный человек, если он тем не менее пытается развлечь и заинтересовать, пошл. Пошлый же человек, если он еще и чванлив, – дурак» [3. С. 134].

Так что же лежит в основе созерцания, восприятия и отражения человеческим сознанием творения искусства, картины природы, факта окружающего мира? Представляется, что экскурс в мир эстетики и философии Канта дал сегодня ответ на этот вопрос – глубину созерцания и отражения любого феномена материальной или духовной природы определяет уровень духовного развития человека, культуры его чувств, его эстетического вкуса.

Тонкие дефиниции чувства прекрасного и возвышенного, описание Кантом их градаций и оттенков, яркие иллюстративные примеры из литературных произведений, творений искусства, человеческих характеров и поступков приобретают сегодня особую актуальность для воспитания культуры чувства не только молодого поколения, но и гораздо более широкой аудитории современников, эстетическая и этическая сферы которых понесли известный урон. Сегодня очевидным становится упрощение эстетического вкуса, оскудение лексикона представителей широких слоев общества, насыщение его сленговыми элементами и жаргонизмами, ослабление интереса к русской культуре, и, как яркое тому подтверждение, – к текстам русской литературной классики и к русской словесности вообще. Мы убеждены, что актуальное прочтение идей из сферы этики, эстетики и философии И. Канта – это действенный способ обогатить духовный мир и усовершенствовать духовную культуру современного реципиента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берулава М.Н. Теория и практика гуманизации образования. – М., Гелиос АРВ, 2000. 340 с
2. Кант И. Собрание сочинений в 8 томах. Т.4: Основоположения метафизики нравов. М.: ЧОРО, 1994. URL: <http://filosof.historic.ru> (дата обращения 02.09.2015)

ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

3. Кант И. Собрание сочинений в 8 т. Т.6. Религия в пределах только разума. Метафизика нравов. М.: ЧОРО. 1994. URL: <http://filosof.historic.ru>(дата обращения 02.09.2015)
4. Культурология. XX век. Энциклопедия в двух томах. Гл. ред. и составитель С. Я. Левит. СПб.: Университетская книга, 1998.
5. Сулова И.Б. Педагогическая антропология И. Канта – современные проекции: монография – Сочи: «Дория», 2011